

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Аркадий Михайлович, какие слова вы хотели бы услышать о себе — не юбилейные, а справедливые, как перед Всевышним?

— Любое личное торжество — это репетиция поминок. И, естественно, искренние слова хочется услышать при жизни, а вообще-то моя заслуга ни в чем не состоит. Возможно, скажет мне Господь Бог: "Ты что-то там написал, сын мой. Но грешен". Так оно и есть. Однажды я получил письмо от одной женщины, жизнь которой катилась под откос, — она призналась, что ее спас мой рассказ "Вареная курица в четверг". Убежден: если хоть один человек прочитал твою вещь с интересом и как-то в нем она отозвалась, то уж не зря держал перо.

— Почему свое избранное вы разделили на две книги — "Арканов такой" и "Арканов сякой"?

— В темном томе — не очень известные или совсем неизвестные сочинения. Они вызовут большое удивление. Не знаю уж, хорошее или плохое. Книга в светлом супере — это фасадная, растиражированная часть меня.

— Вы москвич. Что помните о дворе своего детства?

— Двор и составлял мое детство. У начала Волоколамского шоссе стоял один из первых семизэтажных домов, где отцу в 43-м году дали на четверых две комнаты в коммунальной квартире. В семье росли два сына — так что было не очень просторно. Во дворе хороводила ребятня из неблагополучных семей. Действительно, в нашей компании встречались и судимые, и осведомившиеся. Учился я довольно прилично, и, естественно, возник большой соблазн — сделать отличнику какую-нибудь бяку. В первое время я страдал от обидчиков. Но, наверное, повел себя разумно: терпел, не отвечал на оскорбления, а пытался найти общий язык. В конце концов они меня приняли на равных, можно сказать, возлюбили, да и я почти пиететно к ним относился.

— Они дали вам прозвище?

— Аркан. Отсюда мой псевдоним. Ребята приучили меня к определенным житейским навыкам: первоосновам бокса, самозащиты — как и кому дать в морду. Заставляли меня схватиться с кем-нибудь из одноклассников после уроков. Мне это было ни к чему, потому что я ни к кому не имел зла, но должен был продемонстрировать, что я очень разозлился и рвался стукнуться.

— Смотрите на вашу изнеженную ладонь и выку: не может она сжаться в кулак!

— Приходилось и сжимать. Но с детских лет я ни с кем не дрался — не люблю это занятие. Но все-таки урок дворовых мальчишек дал росток: я стал тайно заниматься спортом, легкой атлетикой на стадионе Юных пионеров. Хотелось поразить всех. Бегал я на короткие дистанции, и однажды, когда меня включили в школьную олимпиаду, я вдруг показал выдающийся результат и стал победителем. Школа была мужская, и все мальчишки пошли за мной.

— В школе себя совершенствовал не Арканов, а Аркаша Штейнбок. Расскажите про своего папу — Михаила Штейнбока...

— Мои родители — типичные бедные госслужащие. Отец занимался снабжением в системе Дальстроя МВД — грубо говоря, снабжал Норильлаг.

— О снабженцах обычно говорят нелестно: воруют, богачи...

— Чепуха. Отец не был богат. Удивительный и наивнейший человек, он сам пострадал в 34-м году. Парадокс: в 37-м его выпустили! Как ни странно, вернули на старую работу агентом по снабжению, поскольку был честным и работящим, как лошадь. На работе его любили — ему можно было поручить что-то достать из-под земли, и он доставал. Часто ездил в Норильск в командировки. Однажды, в 47-м, он принял от родственников своего друга посылку для одного расконвоированного заключенного. Он передал ее, и об этом стало известно начальству. Отца сразу уволили из системы, и шесть лет он вынужден был ездить на работу в Подольск на завод... В том семизэтажном доме ютилась и семья брата с двумя разнополными детьми. Когда у меня появились деньги, я купил отцу с матерью однокомнатную квартиру и отселил их от брата. Моя мама недавно умерла — 11 мая я поехал ее хоронить в Бостон, где она жила у брата. Будучи совершенно замечательным врачом-реаниматологом, он сдал там все экзамены, хотя в Москве был кандидатом наук. Проработал три года в госпитале резидентом. Теперь брат — завотделением в крупнейшем госпитале Бостона и вполне состоятельный человек. Довольно часто у него бываю. Я ведь тоже врач — закончил в 57-м году Первый медицинский институт. Практиковал три года. К тому времени уже понимал, что врачом не буду: совмещать врачебную работу с какой-то другой нельзя.

— Ваш ранний рассказ "Соловыи в сентябре" обещал интересного лирического рассказчика. Почему вы выбрали ироническую прозу?

— Я сам такой человек. Мне невозможно смешно смотреть на все серьезно.

— В одном интервью вы назвали, возможно, с подвохом, что как Фолкнер вы написать не сможете, а как Сэлинджер — да. Как понимать эту фразу?

— Если я так сказал, то, видно, в запальчивости. Сэлинджер — один из самых почитаемых мною писателей. Жизнь моя была бы неполной без Гогля, Набокова, Зощенко, Фолкнера, Сэлинджера, Брэдли. Они все поразили, ранили меня.

— Есть ли в сегодняшней русской литературе авторы, чья проза вам близка?

— Конечно. Фазиль Искандер, Битов. Люблю ленинградскую школу прозаиков: Валерия Попова, Довлатова, Витю Конечного. Я дружил с этими людьми. С писателями довольно трудно дружить. Можно уважительно друг к другу относиться, питать теплые чувства, а дружить трудно: это люди замкнутые, не очень охотно впускающие в свой внутренний мир кого бы то ни было. Я сказал "дружны" — это значит, и я, и они рады видеть друг друга. Есть у меня парочка человек, которых я могу назвать друзьями. Они не имеют никакого отношения к творчеству и никогда меня не предавали. Им и в голову не может прийти такое. А вот приятелей, хороших знакомых у меня полно.

— Не только из мира искусства?

— Наоборот. Не тяготею к имонам. Случается, приглашаешь людей на какой-то праздник к себе домой. Следует вопрос: "А кто еще будет?" И если они не слышат в моем ответе имени, соответствующий им по рангу, они не придут. Им нужен уровень, а меня это никогда не интересовало.

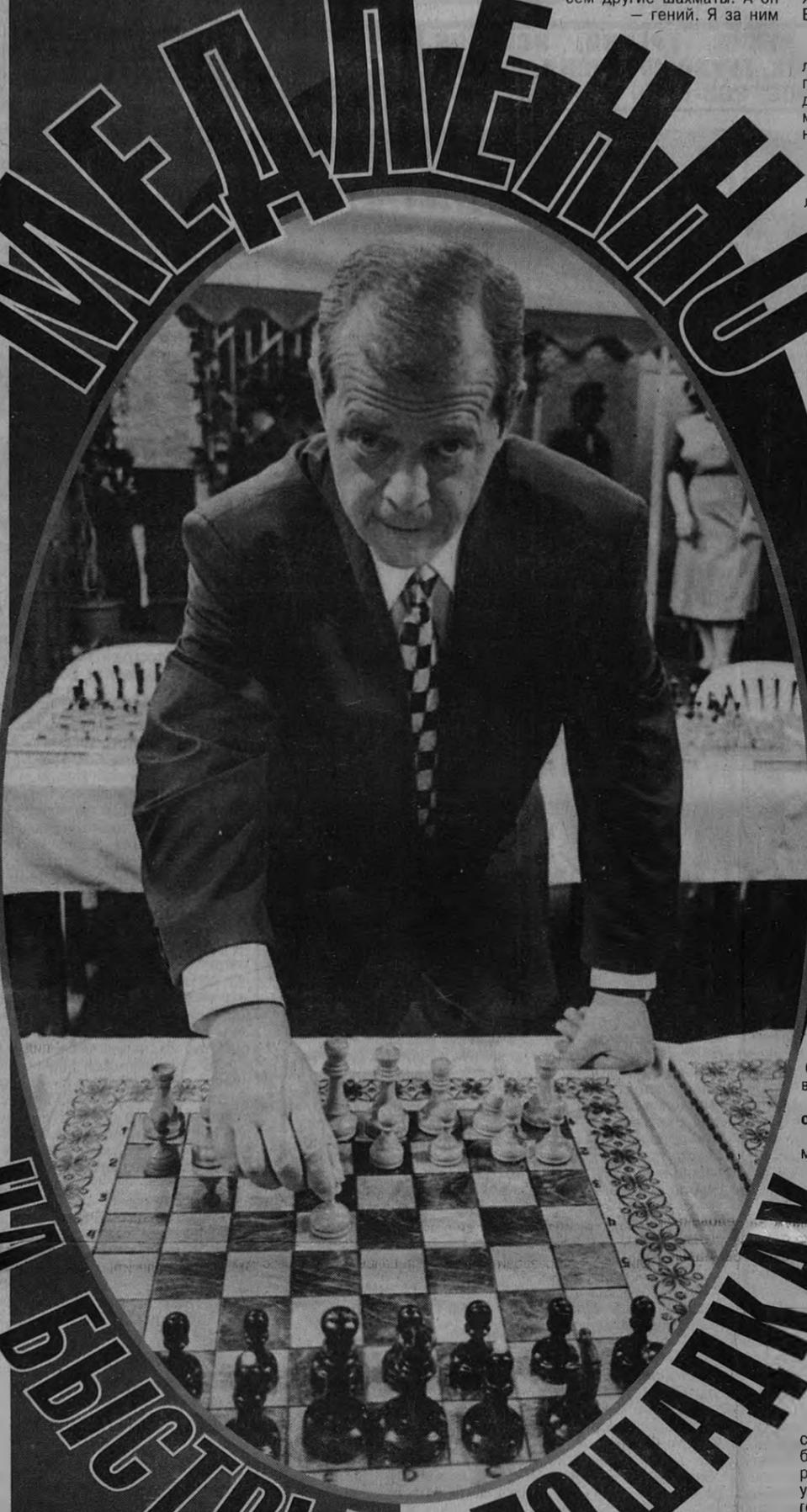
— Случалось вам нужных людей звать в рестораны?

— Случалось через большое "не хочу". Ничем в мою пользу эти застолья не заканчивались, за исключением тех редких случаев, когда мы с этим человеком становились приятелями. Я не могу общаться с человеком ради того только, чтобы от него что-то получить.

— Вы печатали пьесы в соавторстве с Гориним. Почему разошлись?

— Мы сотрудничали с Гориним начиная с 61-

На его столе веселые призы: "Золотой Остап" и того же металла рука с игральными картами — неожиданно для себя стал чемпионом в азартном виде спорта. Диапазон его увлечений непредсказуем. Он — Аркан, а мы все невзначай становимся его пленниками.

Аркадий АРКАНОВ: "Да, я такой и сякой"

го года до 73-го. И не принадлежали себе — принадлежали друг другу. Потом мы разбежались, хотя получили известность как соавторы. Все лучшее, что мне приходило в голову, я уже не нес на общий стол нашего соинтервьюиста. Горин тоже держал свое про запас.

— В драматургическом жанре Арканов-одиночка что-нибудь написал?

— В юной книге есть моя пьеса "Рондо". Она нигде еще не поставлена.

— Аркадий Михайлович, прокомментируйте, пожалуйста, байки, которые про вас рассказывают. Одна из них — будто бы Каспаров привез вас на дачу к Алиеву, и вы, дескать, использовали шахматиста, чтобы только познакомиться с Алиевым. Это правда или фольклор?

— Фольклор. Каспаров к Алиеву на дачу меня не возил. Не имею почти быть знакомым с Алиевым. Я знал его жену, которая однажды приходила на наше институтские в Баку. Знаю его дочь — она живет в Лондоне вместе с мужем, послом Азербайджана. С Каспаровым я знаком с его мальчишеских лет, когда он начал свое движение к шахматной вершине. Гарик пришел со своей мамой за кулисы — было ему тогда лет пятнадцать, и он уже был известен как талант, но оставался непосредственным в общении. Горячо приглашал приехать к нему в гости. Шахматы — моя страсть. У меня есть книга о Михаиле Тале.

Мне, конечно, было интересно общаться с молодым гением. Мы подружились, несмотря на огромную разницу в возрасте. Когда Гарик вступил на Олимп, я чуть ли не стал его пресс-аташе.

— Вы бы не пошли...

— Пошел бы — мне это было интересно, — но меня ЦК Компартии Азербайджана не утвердило. Я не из Баку, и они страшно боялись, что сдам Каспарова москвичам.

— В ваших отношениях с Каспаровым что-то изменилось?

— Ничего не изменилось. Он величайший шахматист. Сегодня играет так, как будут играть в XXI веке. До него — совсем другие шахматы. А он — гений. Я за ним

думаю, что я решил догнать попу. Тыщу лет она мне не нужна. Пусть живет отдельной жизнью.

— Говорят, что Арканов — знаток женщин, пользуется у них огромным успехом. Не врут?

— Мужчина и женщина — совершенно разные биологические типы. Я трепетно отношусь к женщинам, и вовсе не потому, что они слабый пол. Они достаточно сильны и умеют за себя постоять, иногда даже увереннее, чем мужчины. Трепетность моя объясняется их качествами, может быть, не душевными, а физическими. Не могу сказать, что у меня есть типаж, который мне страшно нравится. Но очень люблю женщин подтянутых, спортивного, сухарного сложения, без ярко выраженных форм. Жизнь так сложилась, что я был женат три раза. Все мои женщины — такого типа.

— Первую любовь помните?

— Помню. В 14 лет влюбился в шестнадцатилетнюю Тамару. Она уже сложилась, а я еще был птенец. И никакого ответа с ее стороны, кроме дружбы. Страдал. Любовь тлела огоньком в течение многих лет. Однажды мы встретились с ней случайно. Я обрадовался. Я жил тогда одиноко, пригласил ее домой. Посидели, выпили. Грубо говоря, получил все то, что я не получил когда-то, и с ужасом отметил: огонек мой угас. Все закончилось... Было очень горько — лучше бы оставить все как было.

— Вашей женой была Майя Кристаллинская. Какой была в быту эстрадная звезда?

— Когда мы познакомились на концерте, она еще не была звездой. Она мне нравилась как начинающая певица. Слабость у меня к музыкальным женщинам. Мы с ней прожили всего полгода. Не врали друг другу и по обоюдному согласию решили развестись. Ничего плохого не могу сказать о нашей совместной жизни. Просто мы были слишком разные люди, чтобы продолжать семейный союз. Хотя расставание не далось просто. Мне повезло: вскоре встретил Женю Морозову. Она сыграла очень большую роль в моей жизни и как женщина, и как мать моего сына Васи. Личность удивительная, неординарная. Она мне привила настоящий вкус к литературе. Я еще тогда ничего не писал. В выборе прочтения, в понимании целого ряда книг я ориентировался на нее, на ее вкус, внутренний мир. Я, может, не говорил ей этих слов.

— Кем стал Вася?

— Закончил журналистский факультет МГУ. Человек он совершенно незаурядно, литературного дарования. Сейчас живет в Америке — поступил в Колумбийский университет на факультет журналистики. Я отпустил его в свободный полет: перед смертью Женя просила Васю уехать из России — она очень боялась за его судьбу. Могу сказать, Вася не впился в американский образ жизни.

— Вашу новую жену Наталью не смущает, что две ее предшественницы умерли?

— Но я ни разу не был вдовцом. С Женей мы разошлись в 72-м году. Она больше замуж не вышла. Умерла в 92-м. Мы с Натальей вступили в брак в 91-м году.

— Почему вы разошлись с Женей, если так ее обожали?

— Бог знает! Не могу дать этому объяснение.

— У вас есть просто сумасшедший рассказ, где лирический герой, завернув жену в одеяло, идет на рынок ее продавать. Просто какой-то сюр...

— Женщина, которую я продавал, — это была моя Женя. Когда мы с ней разошлись, у меня было ощущение, что я как бы продал ее. И неотвязный вопрос: зачем я это сделал?

— Вы долго оставались в одиночестве. Как обходились без жены?

— Жил свободной жизнью. При всех моих романах, длительных и коротких, у меня все равно, кроме Васи и Жени, не было никого. Это была моя семья, к которой я принадлежал. Мы были в очень хороших отношениях. Мы даже втроем ездили летом отдыхать. В Доме творчества жили вместе в просторных апартаментах. И все говорили нам: "Вы, наверное, дурака веляете?"

— И не грешили, находясь вместе?

— Не грешили. Вася был на мне, и Женя частично. Я считал необходимым все излишки, которые у меня были, отдавать в семью. Наталье по этому поводу нечего переживать... Она тоже не первый раз замужем.

— Приходилось слышать, что Наталья Высоцкая — очень богатая женщина...

— Что за бред! Это чудовищные, idiotские слухи. Гольтба! Гольтба самая натуральная. Если бы она осталась на телевидении, в той системе, где работала, наверное, тоже бы что-то имела. Но она ушла с телевидения до того, как там начались вольготные деньги. Я тоже подействовал ее уходу.

— Дома у вас просто и уютно. Любите посидаритствовать?

— Да, в какой-то степени люблю комфорт. Но для меня это понятие много наполнения. Хочу, чтобы у меня всегда была горячая вода, рядом — телефон, нормальный туалет, не тесный холодильник, хорошая радиоаппаратура, чтобы я мог слушать музыку, которую хочу. Чтобы был нормальный телевизор, потому что обожаю спорт. Моему "ящику" лет двенадцать, но он работает хорошо. Люблю, когда в доме нормальная еда.

— После Жени кто вам обеспечивал эту нормальную еду?

— Ходил в Дом литераторов, там обедал. Тогда это было недорого. Я в еде примитивен. Много лет завтраком не пользуюсь. Пью стакана три чая и, чтобы не было скучно, беру какой-нибудь сухарик. Все. Обеда у меня нет. Часов в семь вечера ем плотно: и закуски, и суп, и другую еду. Люблю пельмени и хорошее мясо.

— У ваших героев случаются странные сны. Вы такие видите?

— Мои сновидения все сюрреалистические, на уровне собачьего бреда. Такой сон я не могу проанализировать. Что-то похожее я сочиняю в рассказах.

— Ваш герой как-то воскликнул: "Эх, сейчас бы мне мустанга". Вы хоть раз в жизни проскакали на коне?

— Странно: знаменитый художник Боря Жутковский, оформляя мои книжки, почти на каждой странице нарисовал лошадь. Меня это удивило. Но он сказал, что у меня почти во всех рассказах присутствуют лошади. Откуда это — не знаю. Однажды мой приятель, кинорежиссер Евгений Герасимов, пригласил меня сняться в его фильме — сыграть итальянца, который приехал охотиться в Россию...

— Не потому ли пригласил, что вас считают похожим на Мастоянни?

— Может быть. Мне надо было сесть на лошадь, что я и сделал с огромным удовольствием. И она пошла рысью. Едва усидел в седле. Тренер не научил меня сидеть в седле и слегка подкакивать. Я причес задом к седлу — и, когда закончилась съемка, два месяца не мог ходить. Зато удовольствие гигантское.

Наталья ДАРДЫКИНА.